

Компаративное исследование позволило выявить сходство с архетипом в рукописях, созданных в первой половине – середине XVII века – это Смоленский ирмологион 283 и кодекс 309. В них представлена раздельноречная фонетическая редакция и сохранена чистота церковнославянского языка. Две самостоятельные группы образуют кодексы *середины – второй половины XVII века*. К одному типу записи принадлежат списки Жировицкого ирмологиона 3367 и Ирмологиона 117, где уже имеет место истинноречная фонетическая редакция с элементами полногласия, но в поэтическом тексте не обнаружено влияние старобелорусского языка. К другому типу относятся кодексы 148, 316, 122. Поэтический текст в них истинноречный, с элементами полногласия, а в записи находят отражение фонетические признаки старобелорусского языка.

При рассмотрении схем релятивных ключей также определились три группы кодексов. Каждая из групп включает разновременные списки, где старший создан в первой половине XVII века и, очевидно, представляет самостоятельную традицию фиксации песнопений. К первой группе относятся Ирмологионы, где в записи роспева, как и в архетипе, преобладает дискантовый ключ (309, 3367 и 117). Две другие группы образуют Ирмологионы с полностью отличными схемами – это кодексы 283, 122 и 148, 316. При доминировании альтового ключа, в списках 283 и 122 сохраняется гибкая система релятивной записи. В Ирмологионах 148 и 316 – фиксация мелодии унифицирована.

Дополнительные знаки в нотации в Супраслевском ирмологионе немногочисленны. Списки XVII века продолжают развитие нотографики, заданное в образце. Сопоставление записи роспева показало, что Супраслевский список можно рассматривать как итог многовекового развития фиксации Страстных песнопений, но и как начало, корень, от которого выросли новые побег со своими направлениями роста. В записи монодии в Ирмологионах используется несколько видов ключей, знаков повтора, обозначения и сокращения фиксации вокализированных роспевов.

Заключение. Списки Страстных антифонов XVII века зависимы от списка-архетипа 1598–1601 годов. По совокупности палеографических признаков можно заключить, что на белорусских землях Великого Княжества Литовского в XVII веке сложилось не менее трех центров со своей традицией записи последования антифонов.

Список литературы

1. Ясіновський, Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ирмолої XVI–XVIII століть : кат. і кодик.-палеогр. дослід. / Ю. Ясіновський. Львів : Місіонэр, 1996. – 622 с.
2. Шевчук, Е.Ю. Киевская нотация конца XVI – начала XVIII веков в зеркале современных данных / Е.Ю. Шевчук // Звуковое пространство православной культуры: Сб. трудов. Вып. 173 / РАМ им. Гнесиных – М., 2008. – 248 с. – С. 111–151.
3. Корний, Л.П., Дубровіна, Л.А. Болгарський наспів з рукописних нотолінійних Ирмолоїв України кінця XVI–XVII століть / Л.П. Корний. – Київ, 1998. – 321 с.
4. Герасимова, И.В. Стихира-осмогласник Успению «Богоначальным мановением» в древнерусской и литовско-русской традициях знаменного распева / И.В. Герасимова // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 3. По материалам научн. конференции «Бражниковские чтения–2005» / Сост и научн. Ред. А.Н. Кручинина, Н.В. Рамазанова. – СПб, 2005. – С.57–79.

АКТУАЛІЗАЦІЯ НАСИЛІЯ В ІСКУССТВЕ ХХ ВЕКА

Н.А. Карпенко

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Проблема насилия относится к числу наиболее актуальных проблем нашего времени. Насилие – феномен сложный и многоаспектный, изучаемый философией, этикой, социологией, политологией, психологией и правом.

Занимая промежуточное положение между природностью человеческого существования и культурно осмысленными формами, насилие связывает между собой две природы человека – естественную природную и цивилизованную жизнь, физическую и духовную, определяя амбивалентный характер человеческого бытия. В этих обстоятельствах

нельзя исключать эстетическую деятельность субъекта. Напомним, что одной из задач искусства является превращение физической жизни в духовную, а значительную часть содержания искусства составляют моральные проблемы.

Целью данной работы является теоретическое осмысление особенностей актуализации насилия в искусстве XX века.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили теоретические разработки В.В. Бычкова, Е.А. Климковича, С.В. Дормаша, Г.Н. Киреева, Д. Галтунга. В работе используются системный подход, в основе которого лежит рассмотрение насилия как многоаспектного феномена природного и культурного бытия человека, а также приемы дескриптивного и структурного анализа: описание, систематизация, оценивание, позволяющие определить роль насилия в искусстве.

Результаты и их обсуждение. Обратимся к содержательной сущности понятия насилия. В толковом словаре русского языка зафиксировано следующее определение: «насилие – 1) применение физической силы к кому-нибудь; 2) принудительное воздействие на кого-нибудь; 3) притеснение, беззаконие» [5]. Что касается нормативно-правовых документов, то в них «насилие» определяется следующим образом: это воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией право граждан на личную неприкосновенность (в физическом и духовном смысле). Лингвисты определяют «насилие» как: 1) применение физической силы к кому-нибудь; 2) злоупотребление своей властью; 3) принудительное воздействие на кого-нибудь [3]. Таким образом, насилие выступает аспектом морального зла. В него, наряду с убийством, включаются ложь, лицемерие, другие нравственные деформации.

Типология насилия весьма обширна и многообразна. Так, можно классифицировать насилие:

- по видам причиняемого ущерба, например физическое (нанесение физических повреждений, включая телесные наказания), сексуальное (удовлетворение сексуальных потребностей без взаимного согласия или с целью получения прибыли, проституция), эмоциональное (словесные оскорбления, унижения достоинства человека, брань и угрозы в его адрес) и экономическое насилие;
- по формам насильственного взаимодействия: побои, убийство, террор, изнасилование и др.;
- по субъектам конфликтного взаимодействия: насилие в межличностных, межгрупповых, межгосударственных конфликтах.

Крайними формами проявления насилия являются различного рода войны, геноцид, террор, массовые убийства людей. Другими словами, насилие имеет столь же многообразную типологию, как и формы взаимодействия людей.

Главными спутниками насилия являются агрессивность и жестокость. Агрессивность представляет собой устойчивую готовность, состояние личности или социальной группы к нападению на других с целью нанесения физического или психологического ущерба либо уничтожения другого человека или группы людей. Согласно толковому словарю «жестокость» определяется как крайняя суровость, безжалостность и беспощадность. В переносном смысле под понятием «жестокость» подразумевают огромную силу, превосходящую обычную [4].

Исследуя данную проблему нельзя не сказать о введенном Д. Галтунгом в XX веке понятии «культурное насилие», под которым понимается «любой аспект культуры, который может использоваться для легализации насилия в его прямой структурной форме» [2, 37]. Суть культурного насилия состоит в том, чтобы придать прямому и структурному (косвенному) насилию легитимную форму, чтобы насилие воспринималось как справедливое или, по крайней мере, необходимое средство в достижении цели и в решении возникающих проблем. Насилие во всех своих проявлениях выступает как сама действительность, а эстетическая деятельность - искусство представляет собой особый способ отражения этой действительности. Психологическим механизмом внедрения культурного насилия в массовое сознание являются интериоризация – формирование внутренних структур человеческой психики благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности [2].

Отметим, что в процессе развития культуры сформировались четкие связи этического и эстетического, морали и искусства. Представление о том, что прекрасное есть перманентное качество добра, а зло, соответственно, выражается через такую эстетическую категорию как безобразное, фиксируется многими философами и имеет давнюю традицию.

Под влиянием философии Ф. Ницше, исследований З. Фрейда, художественного опыта де Сада и Л. Захер-Мазоха в искусстве XX века особое место начинает занимать насилие во всех своих проявлениях. Присутствие насилия и жестокости в искусстве XX века, причем как в массовом, так и в элитарном, обусловлено следующими факторами:

1. Изображение жестокости в произведениях способствует достижению художественного катарсиса, изживанию у зрителя агрессивных инстинктов на эстетическом уровне.
2. Обращение к древним, архаическим сакральным культам, например, кровавым жертвоприношениям, позволяет обрести некие истоки духовности. Мистерия жизни и смерти где палач и жертва составляет единое целое в потоке становления и умирания жизни позволяет преодолеть пост - культурную пустоту.
3. Жестокое изуверское обращение с человеческим телом в спектакле или кинофильме вызывают в определенной группе зрителей сексуальное наслаждение по классификации садизма.
4. Включение сферы жестокости в собственно эстетический опыт, то есть эстетизация жестокости в художественной практике [1, 477].

В рамках заявленной нами темой особый интерес представляет творчество режиссёров С. Пекинпа, С. Кубрика, Д. Бурмена, австрийца Г. Нитча, который создал «Оргийно-мистериальный театр», основанный на тактильно-визуальном восприятии плоти и крови только что убитых животных.

В искусстве XX века прослеживаются две тенденции. В первой половине XX столетия сцены насилия и жестокости, надругательства над телом человека и животных были ориентированы на возбуждение традиционных гуманных, моральных чувств и настроений протеста против этих негативных явлений (последствий войн и революций). Вторая половина XX века утверждает самоценность и равноправие насилия, жестокости, агрессии наряду с другими способами художественной презентации. Утверждая агрессивную природу инстинктов человека, художники призывают не подавлять в себе жажду убийства и разрушения. Моральное зло включается в искусство не в символическом, а в чистом, открытом, буквальном виде. Однако принятие любого явления жизни как эстетического феномена приводит к имморализму, к оправданию зла и насилия.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод, что при восприятии художественного произведения презентующего насилие притупляются чувства нравственного негодования, сострадания чужому горю. В результате интериоризации происходит усвоение внешней социальной деятельности, в данном случае насильственных действий, во внутренние установки человеческой психики. Это приводит к разрушению в человеке его духовно-нравственных основ и ценностных ориентаций.

Список литературы

1. Бычков В. В. Эстетика // В.В. Бычков – М., 2002. – 556 с.
2. Галтунг Д. Культурное насилие // Д. Галтунг. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 8 – М., 1995.
3. Детство без жестокости и насилия / [авт.-сост.: Е.А. Климкович, С.В. Дормаш]. – Мн.: Красико-Принт, 2007. – 173 с.
4. Киреев, Г.Н. Сущность насилия / Г.Н. Киреев. – М., 1990. – 148 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: около 53000 слов / С.И. Ожегов. Под общ. ред. Л.И. Скворцова; [предисл. ред.]. – 24-е изд., испр. – М.: Мир, 2006. – 1200 с.